

ШАРЛЬ ПЕГИ

На днях в «Le Figaro» было сообщено, что одно из лучших парижских издательств выпускает в ближайшем будущем полное собрание сочинений Пегги.¹

Среди многих сотен смертей, истребивших за эти годы почти сплошь молодое поколение французской литературы, есть одна смерть, которая не вызывает ни протеста, ни негодования, настолько прекрасно заключает она жизнь и личность поэта и дает всему творчеству его законченную ценность.

Это смерть Шарля Пегги.

Духовный вождь молодого поколения, — он остался им и на путях смерти, предшествуя всем тем, кому суждено было погибнуть в эту войну: он был одной из первых жертв войны и погиб в Марнской битве через четыре дня после прибытия на фронт.

Парадоксальная судьба вырастила в республиканской, социалистической и свободомыслящей Франции поколение, проникнутое идеями традиционализма, поколение роялистов и католиков.

Перед самой войной — в одиннадцатом, в двенадцатом годах — те, кто внимательно прислушивался к шорохам будущего, начали отмечать необычность тех настроений, которые переживало поколение, вступающее в жизнь.

Франция, как бы бессознательно готовясь к удару, выплавляла поколение, проникнутое до глубины волевыми импульсами и культом исторических устоев Франции, сочетавшее католичество с любовью к спорту, роялизм — со вкусом к деловой практичности. Оно было еще очень молодо — едва со школьной скамьи, когда наступила война, и теперь истреблено почти до последнего человека, как бы предназначенное

только для того, чтобы принять на себя всю силу германского натиска и выдержать его.

Шарль Пеги вместе с Жаммом и Клоделем был одним из вдохновителей этого поколения. Это не значит, что он был принят и понят им целиком.

«Не знаю писателя более одинокого в своем веке, чем Шарль Пеги», — писал Геон за год до его смерти. Он прав, потому что ни Вилье де Лиль-Адан, ни Барбэ д'Оревилли не были столь одиноки в свое время, как Пеги в эти первые полтора десятилетия XX века.

Историческая Франция заслонена для нас «Революцией», «Веком разума» и «Великим веком», и мы совсем забыли о «христианнейшей» Франции XIII века, в которой гнездятся глубочайшие корни ее бытия.

В мирные годы пышного экономического расцвета прежней Республики, среди благополучной и сытой Франции, исступленная проповедь поэта, жившего мечтой о «смиренной и нищей» Франции, носившего в душе средневековый идеал, близкий тютчевскому «всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь небесный исходил, благословляя», была воплощенной нелепостью.

Смысл французской истории исчерпывался для него двумя «великими пастушками» — святой Женевьевой и святой Иоанной.²

«Ей, пасшей стада у Нантерра, дано было стеречь иное стадо, — огромную орду, в которой волк и агнец никогда не делили общей нищеты.

И как она бодрствовала каждый вечер во дворе фермы или на берегу ручья, у ствола той же березы или той ивы, так будет она и теперь над этим каменным чудовищем.

И когда придет вечер, заключающий день, она — ветхая и древняя пастушка, собрав Париж и его окружение, твердым шагом и легкой рукой поведет в последний раз, на последний выгон, самое большое из всех стад, одесную Отца».³

«...А так как Бог творит лишь по милосердию своему, она должна была увидеть королевство, разодранное в лохотья, и город — ее крестник, — пылающий факелом, разоренный дикими ордами.

– Сердца, изъеденные раздорами мертвых, преследуемых даже в могилах... чтобы после девятисот лет молитвы и бдения увидеть приближающейся к древнему городу одетую юношей, в тесных доспехах, прямо сидящую в седле – Деву самую святую из всех после святой Девы»...

Поэт, веровавший, что Бог творит свою волю только через смиренных пастушек, был республиканцем и мечтал о «республиканской мистике».

Обращенный католик и, быть может, самый подлинный из католических поэтов Франции, не исключая Верлена, он чувствовал такую рознь с современной церковью, что не мог ни посещать ее, ни причащаться ее таинств. При великой дисциплинарной выдержке римской церкви это являлось почти отступничеством и было глубокой трагедией в жизни Пегги.

Передают, что, когда один из друзей спросил его, почему он не посещает больше церкви, Пегги разразился судорожными рыданиями.

Пегги был одним из ошибшихся веком, но не мог скорбно и молчаливо созерцать искажение мира из глубины своего одиночества: ему надо было проповедовать, убеждать.

Самый стиль его статей и поэм говорит об этом.

Так говорит человек, обращающийся к огромной толпе и громко выкликающий каждое слово. Одну и ту же фразу, один и тот же стих, один и тот же образ он повторяет настойчиво десятки раз, изменяя постепенно какое-нибудь одно слово, подставляя новый синоним, новое понятие, новый оттенок и всегда начиная снова, точно ему необходимо крепко вбить в понимание слушателей каждое свое положение.

Это тяжело, это однообразно, но в этом лежит громадная убедительная сила, а поэмы его приобретают гипнотизирующую власть и похожи на нескончаемые церковные песнопения.

С тем же упорством и настойчивостью он в продолжение 15 лет, сидя в тесной и темной камерке на улице Сорбонны, издавал свои «Двухнедельные тетради» (*Cahiers de la Quinzaine*),⁴ в которых впервые печатались и трагедии

Сюарсса,⁵ и «Жан Кристоф» Ромена Роллана,⁶ и романы братьев Таро,⁷ и все поэмы, мистерии, памфлеты и статьи самого Пеги.

Мы можем представить его себе по портрету Эрнеста Лоранса (тоже убитого в начале войны).

В синем шерстяном плаще, без шляпы, сидит он, положив руки на колени. Обширный и высокий шишковатый лоб, сильный, без благородства, напоминает Достоевского. Наружность и костюм простые, демократические, борода неподстриженная, волосы детски-мягкие, как бы слипшиеся от пота долгих бдений. Лицо крестьянина, который упорно ведет борозды своих мыслей, тяжких, длинных, глубоко подымающих щедрый чернозем французской земли; лицо пахаря, честно и мерно откладывающего одну рядом с другой параллельные гряды уводящих вдаль и настойчиво повторяющихся строк.

В Пеги сохранился старательный и смиренный средневековый мастер — ремесленник, ткущий свои ковры с изображениями Пречистой Девы, святой Женевиевы, Иоанны д'Арк, Евы — первой из смертных, диптихи Успения св. Женевиевы и св. Иоанны — эти «*Tapisserie de sainte Geneviève et de Jeanne d'Arc*», «*Les Morts parallèles de sainte Geneviève et de Jeanne d'Arc*», «*Présentation de la Beauce à Notre-Dame de Chartres*», «*La tapisserie de Notre-Dame*»...⁸ и т. д.*

Самой форме стиха он, не желая того, придает средневековый характер. Правда, он начинает обычно свои поэмы с сонетов и терцин. Но его сонеты начинают повторяться, удерживая те же рифмы, а терцины постепенно переходят в ряды трехстиший, выдержанных, как средневековые поэмы, целиком на одной рифме.

Но это отнюдь не подражание, не стилизация в духе средневековой поэзии, которая, кстати, и не знала этих форм стиха, но естественный уклад души, живущей настоящим и внутренне подчиненной строю и ритму иных веков.

Поэт такого склада оставался одиноким среди молодого поколения спортсменов-католиков, признавшего его своим

* «Изображения св. Женевиевы и Жанны д'Арк», «Параллельные изображения смерти св. Женевиевы и Жанны д'Арк», «Представление Пречистой Богородице Шартрской», «Изображение Богоматери» (*фр.*).

учителем. Но он подготовил его к смерти и, как бы предчувствуя всликую войну, написал ему патетическую отходную — «Молитву за всех нас, во плоти рожденных».⁹

Теперь, когда смерть осветила его личность и творчество, эта «*Prière pour nous autres charnels*» стала классической поэмой, которая всегда и всюду цитируется при упоминании имени Пегги.

Из всех поэтических произведений, посвященных этой войне, она, вне всякого сравнения, наиболее глубокое и сильное, хотя и была написана за два года до начала войны. Но поэтические произведения всегда пророчественны.

Она начинается так:

«Блаженны павшие за земную землю, принявшие смерть в правой борьбе, погибшие за четыре стороны света, блаженны умершие торжественной смертью.

Блаженны павшие в великих битвах, лежащие на земле лицом к Богу; блаженны павшие на последней из высот, посреди трофеев великих похорон.

Блаженны павшие ради земного Града, ибо они плоть Града Господня. Блаженны умершие за свой очаг, за свой огонь, за смиренную честь отцовского дома.

Ибо они — и образ, и начало, и плоть, и чертеж дома Господня... Блаженны увенчанные смертью в минуту послушания и смирения.

Блаженны принявшие смерть, ибо они вернулись в первичный прах, в изначальную глину; блаженны павшие в правой борьбе; блаженны вызревшие колосья, сжатые хлеба.

Блаженны умершие, ибо они возвратились в изначальную персть, в послушную глину; блаженны павшие в извечной войне, чистые сосуды, увенчанные короли.

Блаженны умершие, ибо они вернулись в изначальные формы, к верному лику; снова стали вещами природы, которые мнут и лепят пальцы Господни.

Блаженны умершие, ибо они вернулись в древнюю землю, в изначальный ил, низошли в первичную борозду, откуда извлек их перст Божий.

Блаженны павшие, ибо они возвратились в тот самый ил, из которого Господь пробудил их, успокоились в том славословии, которому разучились прежде, нежели родиться.

Блаженные павшие, ибо они вернулись в тучную глину, из которой Господь вылепил их, в точило, из которого Господь воззвал их; блаженны великие побежденные, развенчанные короли.

Блаженны великие победители. Мир воинам. Да успокоятся они в последнем молчании. Да положит Господь с ними вместе на весы справедливости немного этой унавоженной земли, немного этого праха.

Да положит Господь с ними вместе на справедливую чашу то, что они возлюбили: несколько золотников земли, немного от этого виноградника, немного от этого холма, немного от этого оврага, размытого и пустого.

Мать, вот дети твои, бившиеся так много. Ты видишь: они лежат поверженные между народами. Да успокоит Господь их смутные души и сердца, полные печали и сомнений».

Так идет, все возрастая, эта длинная литания, в которой панихидное «Со святыми упокой» чередуется с аккордами бетховенского похоронного марша.

Но дальше она переходит в исступленную молитву Мити Карамазова, когда он «дико шепчет про себя»:

«Господи, прими меня во всем моем беззаконии, но не суди меня. Пропусти мимо без суда твоего. Не суди, потому что я сам осудил себя, не суди, потому что люблю тебя, Господи! Мерзок сам, а люблю тебя...».¹⁰

У Пеги эта молитва звучит так:

«Мать, вот дети твои, сражавшиеся так долго: да не будут их весить весами духа. Пусть судят их, как изгнанника, который вернулся, скрываясь потерянными тропами.

Да не будут судимы они, как чистые духи. Да не весят их на справедливых весах. Да будут они как лоза, как пшеница созревшая, которых никто не весит на склонах холма.

Да не будут они судимы, как чистые духи. Да успокоятся они во тьме и в молчании. Да не кинут их — нищих и нераскаянных — во впадину чаши справедливых весов.

Да будет Господь милосерд, да простит им за то, что так возлюбили они преходящую землю: они ведь были созданы из нее. Эта грязь, этот прах — их начало, их скорбный венец.

Господь их поразил громом – не дивитесь же тому, что они были малодушны; Господь создал их из грубой глины – не казните их за то, что они были заражены проказой.

Господи! Ты создал их из грязи и праха: не карай их за то, что они были грязными и пыльными. Господи! Ты вылепил их из этой земли, – прости их за то, что они остались земными!»*

Шарль Пегги был убит на Марне около деревушки Вильеруа 5 сентября 1914 года, ведя свой батальон в атаку. Его труп остался лежать в пыли между грядок растительного поля свекловицы и был похоронен в общей, безыменной могиле; смешался с той грязью, с тем прахом, из которого был создан.

Битва при Марне останется в истории таким же чудом спасения Франции, как ее спасение от гуннов молитвами св. Женевьевы и от англичан – Иоанной. Конечно, и у этого чуда, как и у тех, есть свои точные материальные и стратегические объяснения. Но воображение народное именем чуда обозначает момент моральный, волевой, не поддающийся логическому учету. И если марнская победа является следствием гениальной проницательности и решимости Жоффра, то моральная сторона ее, давшая Франции, военно неподготовленной и уже разбитой наголову, силу снова выпрямиться и дать отпор Германии, сосредоточивается, как в фокусе, в личности и в смерти Шарля Пегги – смиренного и подробного песнопевца великих пастушек – Женевьевы и Иоанны, бессознательно сыгравшего в наши дни ту же роль, что они.

---

* Я дал приблизительно одну треть перевода этой «Молитвы», а последние строфы скорее формулировал, чем перевел, так как дать все постепенное нарастание повторений невозможно из-за недостатка места. Но поэма должна быть переведена на русский язык целиком.